

22. *Ларкович Д.В.* Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века // <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/fenomen-avtorskogo-soznaniya-g-r-derzhavina-v-kontekste-russkoj-hudozhestvennoj.html>. – Доступ свободный. – Проверено: 20.05.2013 г.

23. *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Н.А.Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография. – Тверь, 2008.

24. *Няму А.Е.* Миф и Легенда в мировой литературе. – Черновцы, 1992.

25. *Пахсарьян Н.Т.* Историко-литературная репутация произведения как аксиологическая проблема современного литературоведения... // <http://natara.msk.ru/bibliograficheskiy-ukazatel/istoriko-literaturnaya-reputatsiya-proizvedeniya-kak-aksiologicheskaya-problema-fenomen-astrei-d-yurfe.html>. – Доступ свободный. – Проверено: 20.05.2013 г.

26. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.

27. Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 2000.

28. Яценко О.А. Наставник и воспитанник (М.Н.Муравьев и К.Н.Батюшков) // Педагогика. – 1992. – № № 11-12. – С.66-70.

29. *Яценко О.А.* «Незабвенное имя для сердец благодородных...»: М.Н.Муравьев и его воспитанники // ... И в просвещении статья с веком наравне... – СПб., 1992. – С.104-117.

А.В.Кистанова

Херсон (Украина), Херсонский государственный университет

Личностное и универсальное в поэтическом отклике

Г. Державина «На кончину великой княжны Ольги Павловны»

Уникальность мировосприятия, переходный характер художественного сознания Г.Державина, породившие его неповторимый стиль, давно стали общим местом исследований творчества поэта. Несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам творчества автора «Водопада», державинские студии продолжают оставаться актуальными и сейчас. Вопросы жанра, стиля и поэтики, этические и эстетические взгляды, философская составляющая, рассмотрение фигуры самого поэта и его творчества в контексте истории русской литературы рубежа XVIII–XIX веков – вот некоторые из основных векторов научного поиска державиноведов.

Исследователи единодушны в том, что в художественном сознании Г.Державина парадоксально сочеталось личностное и универсальное:

поэт одним из первых вводит в пространство русской литературы «приватного человека» со своими маленькими слабостями, который, в то же время, является неотъемлемой частицей мироздания. Так, О.Лебедева выделяет пять уровней воплощения личности в поэзии Г.Державина: 1) человек как часть материального мира; 2) человек в его связях с социумом; 3) человек в контексте исторической эпохи; 4) человек как выражение национального характера; 5) человек в соотношении с «космосом, временем, вечностью, божеством, творчеством» [Лебедева 2000]. Как нам представляется, последний уровень открыто или латентно присутствует практически в каждом державинском стихотворении.

В качестве одного из наиболее показательных произведений, в котором отрефлексированы различные уровни личностной реализации и в котором переходный характер художественного сознания Г.Державина отобразился в полной мере, можно назвать стихотворный отклик поэта на смерть великой княжны Ольги, дочери Павла I, умершей, не дожив до трех лет. Пространство стихотворения, достаточно традиционного по тематике, иллюстрирует индивидуальные особенности мировосприятия поэта, направления его творческого поиска, отразившиеся в новаторстве содержания и формы.

Стихотворение относят к группе так называемых «траурных од» (Д.Ларкович) [Ларкович 2009], но в силу контрастности художественного сознания Г.Державина скорбный плач по умершему ребенку сочетается с одическим восторгом и умилением. Четырнадцать строф, написанных аллитерированным акцентным стихом, сходным с размером погребальных песен древнескандинавской поэзии [Державин 1864: 655; Шарыпкин 1972: 120], легко членятся на относительно логически и стилистически законченные фрагменты. Внимание поэта смещается от общего к частному, от дальнего к горнему, «в один эстетический ряд выстраиваются явления материального и идеального мира» [Лебедева 2000]: «росский Сион» сменяется любящей семьей со всеми чадами и домочадцами, тесный гроб в блеске свечей – величественными «градами эфира», умерший ребенок становится ангелом, облеченным в свет, земная фигура самого поэта соседствует с обращением к Создателю, картины «золотых дней» России сочетаются с космической «дебрюю тьмозвездной», а образ Ольги как Гения России, ее духа-хранителя – с образом Пленеры, покойной жены поэта.

Так, первые три строфы повествуют о печальном событии в аллегорико-эмблематическом ключе. Помимо эмблематического рисунка, изображающего «розан, увядающий в 15-й день Водолея» [Державин 1864: 655], об этом свидетельствуют перифрастическая номинация царской се-

мый «росским Сионом», антропоморфные образы ночи и смерти, падающей звезды, алой розы, даже не успевшей расцвести. К наследию риторической эпохи относятся и клишированные фразы «краток твой блеск», «тьень был твой век». Дважды поэт обращается к образу тени, используя его, в одном случае, в значении «призрак», в другом случае, в значении «малейший признак, малейшая доля чего-нибудь». Юный возраст Ольги поэт акцентирует, обращаясь к суточному циклу: «утренняя, ясна тень», причем соотносит его с вечностью: «Что твое утро / В вечности целой? / Меней, чем миг!» [Державин 1957: 219]. Универсализм художественного сознания Г.Державина, продуцирует соотношения именно такого рода: свет с бездной, жизнь – с вечностью.

Первая строфа при всей своей аллегоричности и эмблематичности точно указывает место и время печального события, которому посвящено стихотворение: время подано образом ночи, достигшей лишь седьмой степени своего трона, причем эпитет «мрачный» подкрепляет печальную тему, заявленную в названии. Образ «златой звезды», сорванной смертью и покотившейся по небу, сочетающий в своем семантическом поле коннотации жизни и смерти, представляет собой эмблематический образ, характерный для сборников эмблем той эпохи. В основном, этот образ присущ стихотворным откликам на смерть мужчин, как правило, царской фамилии («Ночь», «Глас возрожденной Ольги...» С.Боброва), и, кроме этого, в поэзии рубежа XVIII – XIX веков он приобретает значение гибели таланта («Кончина Шиллера» А.Беницкого, «На смерть Даниловой» Н.Гнедича) [Попович 2011: 136-140].

Эмблематической является вся третья строфа, рисующая образ Ольги как розового бутона, до времени увядшего от мороза. Смысловые потенции образа сорванного / увядшего цветка «четко обозначены в сборниках-компендиумах эмблем и символов» [Смирнова 2001]: жизнь и смерть, неумолимость времени и преходящий характер красоты. Образ розы в значении «мимолетности... жизни (непреренно юной, молодой)» [Топоров 2003: 589] входит в русскую поэзию, по свидетельству В.Топорова, с конца XVIII – начала XIX веков. Интересно, что при глубокой осведомленности Г.Державина в вопросах эмблематики, он не развивает значение розы, указанное в словаре эмблем рубежа веков – мотив небесного цветка, цветущего долее земного [Эмблемы и символы 2000: 160]. Но, несмотря на безапелляционность заключительных строк строфы, где на челе царевны жизнь замещается смертью, поэт оставляет надежду на возможность дальнейшего возрождения: роза только уснула, завяла.

В следующих трех строфах на первое место выступает семья покой-

ной, поданная анафорическим перечислением, в которое, помимо «матери нежной», отца, братьев и сестер, включаются знаки социального статуса умершей девочки – скипетр, трон. Именно через них Г.Державин вводит в круг родных Екатерину II, а упоминание «верных рабов», как представляется, указывает на весь народ России, расширяя, таким образом, пространство до пределов страны. И снова общее сочетается у поэта с личным, приватным: строфу замыкает картина улыбающегося младенца, тянущего ручки к родным, переданная с отрицательной частицей «не».

Пространство замыкается в описании погребения, атмосферы всеобщей печали, окружающей ребенка, причем автор, которому свойственно «чувственное восприятие мира» [Алексеева 2005: 316] апеллирует как к зрительным – «лик полутонный, мрачность одежд», слуховым – «тихое пенье, вздохи и стоны», так и к осязательным ощущениям – «слезно теченье, в дыме блеск свеч» [Державин 1957: 219]. Назывные предложения дают относительно завершенную и всестороннюю характеристику пространства, подготавливая появление в сильной позиции – заключительных строках строфы – образа бледной и безмолвной императрицы. С целью создания величественного образа «Норда царицы» Г.Державин опустил такую деталь, как ее седые и растрепанные волосы», о которых он упоминает в «Объяснениях» к своим сочинениям [Державин 1864: 657]. В «страшном позоре» (зрелище) сочетается личное и универсальное: скорбь Екатерины как бабушки равнозначна скорби всего государства, а образ умершего ребенка приобретает космическое значение – поэт видит в нем ангела, спящего в человеческом теле. Ольга дважды номинируется как ангел в пределах одной строфы, что дает автору возможность перейти к следующему тематическому фрагменту – визионерству горних сфер.

Всеобщая печаль, полумрак, слезы и «тихое пенье» резко контрастирует с видением, которое открывается поэту в следующих строфах. Замкнутое пространство, переданное словами «стеснились», «окружили», раскрывается по вертикали, открывая фантастическую космическую картину: «сияющие грады эфира, солнцы кругом», «ангелов сонм», «райские кущи» [Державин 1957: 220], созданную в традициях «величественной» одической поэзии М.Ломоносова. В мире горнем ангелы приемлют «чистую душу» дитяти в «светлый свой полк» [Державин 1957: 220]. Облеченная в свет, сияющая душа Ольги, глядящая на Россию, является теперь духом небесного воинства. Открывшаяся панорама анафорическим повтором сужается до Петрополя, потом в поле зрения попадают родные девочки и, наконец, сам «пиита». И снова «локальное здесь вступает во

взаимодействие с глобальным, частное – со всеобщим» [Ларкович 2009]. Та же анафора «зрит» вводит субъективно окрашенную, автобиографическую информацию: упоминание об оде, написанной Г.Державиным в честь рождения княжны [Державин 1957: 220], слезы умиления, испытанного поэтом. Автор «Лебеда» подчеркивает свойственную его художественному сознанию мысль о связи высших сил и творческого дара: дух Ольги способен слышать «звук лиры, томные гласы песни» поэта.

Искренние моления поэта обращены и к Создателю: акцентируя невинность, чистоту ребенка лирический субъект взывает к нему, прося, чтобы дух Ольги стал стражем, Гением-хранителем России, даруя ей «златые дни» мира и благоденствия. Отметим, что Г.Державин называет дух Ольги то ангелом-хранителем, то Гением, что свидетельствует о рецепции образа как некоего благостного духа, эфирной сущности. Такое понимание образа родственно гесиодовским демонам, благим духам, которыми становятся после смерти люди Золотого века. Поэт как бы растворяет дух Ольги во вселенной, наделяя его способностью видеть посредством звезд и даровать свет России «дланью багряной». К мифу о золотом веке отсылает и соответствующая топика: лавры славы и мирные «крины», здоровье монархов и цветущая природа, всеобщее счастье и «серебряны росы», льющиеся с облаков. Поэт призывает дух Ольги парить над Россией, хранить и оберегать ее, продлить «златые дни», наступившие в правление Екатерины II. Но Г.Державин не был бы Державиным, если бы не затрагивал в своих стихах актуальных политических вопросов. Российский Золотой век прямо противопоставлен событиям во Франции: «Яда коварства, / Равенства злого, / Буйства зараз, / Вольности мнимой, / Ангел хранитель, / Нас ты избавь!» [Державин 1957: 221], что автор открыто отмечает в своих «Объяснениях...», причем доминирующее положение России в мире отмечено такой ее номинацией, как «полвселенна».

Интересно, что последний семантический отрывок, обращенный к «мира Содетелю», как бы обрамлен личностью самого поэта, его субъективными желаниями и чаяниями. По свидетельству Н.Алексеевой, «чувство как основное достоинство поэзии ценилось и в кружке Львова» [Алексеева 2005: 322]. Фигура автора выступает здесь в двух ипостасях: Г.Державин как придворный поэт, воспевавший маленькую княжну, умилявшийся ей как чувствительный человек, и Г.Державин – частный человек, муж Пленеры, потерявший с ее смертью свою половину (см. также «Призывание и явление Пленеры»). Показательны лиризм и контрастность последней строфы: космические пространства эфира,

райская тишина, – и затерянная где-то в «дебри тьмозвездной» покойная жена поэта, ставшая для него «другом любезным». Поэт обращается с просьбой теперь уже к «Гению России» призреть его половину его «сердца, души», любезную Пленуру. Личная утрата, таким образом, уравнивается по значимости с общегосударственной: дух малолетней Ольги, становится хранителем не только России, но и отдельно взятого человека, покойной жены поэта.

Таким образом, в поэтическом отклике Г.Державина «На кончину великой княжны Ольги Павловны» в разных аспектах сочетается личностное и универсальное. Смерть княжны, представительницы императорской фамилии, продуцирует визионерские прозрения ее посмертной участи, что влечет за собой раскрытие внутреннего мира и субъективных чаяний самого поэта.

Литература

1. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб., 2005.
2. *Державин Г.Р.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. и общ. ред. Д. Д. Благого, прим. В.А.Западова. – Л., 1957.
3. *Державин Г.Р.* Сочинения: в 9 т. / С объяснительными примеч. Я.Грота. – СПб., 1864–1883. – Т. 1.: Стихотворения. Часть I. – 1864.
4. *Ларкович Д.В.* Жанровая динамика «траурной» оды Г. Р. Державина // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(65). – С. 123–137.
5. *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века: учебник для вузов. – М., 2000.
6. *Попович А.В.* Мифологические мотивы и образы в поэзии русского пре-романтизма. – Херсон, 2011.
7. *Смирнова Н.В.* Цветок в русской лирике начала XIX века // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 17 // Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0017\(01_032001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0017(01_032001)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp)
8. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. – М., 2003.
9. *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская тема в русской романтической литературе // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1972. – С. 96–167
10. Эмблемы и символы / Вступит. ст. и комм. А.Е. Махова. – М., 2000.